

К а т а т о н і я .

В. Ф. Чижъ.

(Продолженіе; см. Т. V. вып. 1).

И такъ въ психіатріи мы знаемъ нѣсколько опредѣленныхъ самостоятельныхъ болѣзненныхъ формъ; каждая такая форма обусловлена одной причиной—или отравленіемъ или наслѣдственностью и вырожденіемъ; причины выдѣляютъ, обособляютъ эти болѣзни, опредѣляютъ теченіе и исходъ болѣзни; за исключеніемъ этихъ немногихъ самостоятельныхъ, опредѣленныхъ причиной и потому теченіемъ болѣзней, всѣ остальные заболѣванія для насъ являются болѣе или менѣе сложными процессами, изъ которыхъ мы выдѣляемъ нѣкоторые по ихъ сходству въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Задаваясь цѣлью выяснитъ самостоятельность сходныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ процессовъ, мы можемъ ограничиться доказательствомъ того, что дѣйствительно рядъ случаевъ представляетъ между собою больше сходства, чѣмъ различія, или же стремиться доказать, что этотъ рядъ случаевъ дѣйствительно представляетъ проявленіе одного процесса, обусловленнаго одной причиной, развивающагося при одинаковыхъ условіяхъ, на одной почвѣ. Попытки установить самостоятельность кататоніи пока ограничивались лишь тѣмъ, что авторы приводили доказательства того, что нѣкоторые случаи имѣютъ между собою больше сходства въ симптомахъ, чѣмъ различія. Но дѣйствительно такіе доводы не могутъ убѣдить въ самостоятельности кататоніи—комбинаціи симптомовъ у нѣкоторыхъ боль-

ныхъ случайно могутъ быть сходны между собою, что еще не доказываетъ, что эта комбинація симптомовъ дѣйствительно составляетъ одинъ опредѣленный, самостоятельный процессъ. Чтобы доказать самостоятельность кататоніи, нужно доказать, что она ризвивается при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, на одинаковой почвѣ, нужно доказать, что симптомы, ее составляющіе, дѣйствительно соединены въ одинъ процессъ, представляющій собою законченное цѣлое. Такое обоснованіе самостоятельности кататоніи имѣетъ и практическое значеніе, потому что, понимая кататонію не какъ комбинацію симптомовъ, а какъ самостоятельный процессъ, мы получаемъ возможность при распознаваніи кататоніи предсказывать дальнѣйшее теченіе болѣзни, предсказывать его исходъ.

Цѣль настоящаго изслѣдованія—изученіе кататоніи, какъ самостоятельнаго, опредѣленнаго процесса; отдѣльные симптомы кататоніи изучены очень хорошо и потому теперь необходимо еще разъ изслѣдовать кататонію, какъ процессъ во всей его совокупности.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, объясняющихъ, какъ я понимаю свою задачу, перехожу къ исторіямъ болѣзни.

1. Анна Скуинъ, латышка, крестьянка, горничная, 22 лѣтъ, происходитъ изъ здоровой семьи; отецъ, братья, сестры вполне здоровы, мать умерла 2 іюля 1890—отъ грыжи. А. С. кромѣ кори и scarlatины ничѣмъ не хворала, была спокойнаго характера, трудолюбива, служила горничной въ городѣ. Въ концѣ іюня въ этомъ городѣ былъ пожаръ; А. С. испугалась при этомъ, особенно будто бы потому, что ей казалось, что вслѣдствіе пожара она потеряетъ мѣсто. Черезъ нѣсколько дней послѣ пожара въ больницѣ этого города умерла ея мать. Уже черезъ двѣ недѣли послѣ смерти было замѣтно, что она больна: вмѣсто того, чтобы успокоиться, грустить меньше, она становилась все грустнѣе и молчаливѣе, перестала исполнять свои обязанности, все больше и больше лежала въ своей кровати, спала съ каждымъ днемъ все больше и больше и, наконецъ, какъ казалось окружающимъ, спала цѣлые сутки, не просыпаясь.

Въ это время въ нѣкоторые дни больная чувствовала себя лучше, удовлетворительно, хотя и меньше, чѣмъ до болѣзни, работала, жаловалась на головныя боли. Настроеніе духа дѣлалось все мрачнѣе, больная говорила очень мало. Въ концѣ Августа или началѣ Сентября больная повѣсилась; вынута была изъ петли въ безсознательномъ состояніи послѣ этого за ней

тщательно наблюдали. После этого больная оставалась большею частью неподвижно на одномъ мѣстѣ, иногда плакала и очень рѣдко говорила съ родными. Она высказывала, что ей стыдно жить, что внутренней голосъ ей приказалъ лишить себя жизни; ей ничего не нравится на этомъ свѣтѣ; ей теперь все представляется иначе, чѣмъ прежде; все знаютъ, что она дурная. Въ Августѣ она жаловалась на тяжелыя сновидѣнія, говорила, что все дѣлается изъ за нея; даже выставка, бывшая въ томъ городѣ, гдѣ она служила, устроена изъ за нея, мировой судъ учрежденъ изъ за нея. Со времени попытки на самоубійство больная почти совсѣмъ не спала; она боялась оставаться одна, чтобы не лишить себя жизни—она имѣла сильное желаніе утопиться. Аппетитъ былъ хорошій все время; но больная похудѣла за время болѣзни. Сколько ни старались заставить ее работать, она ничего не дѣлала; если ей давали въ руки работу, послѣдняя оставалась въ ея рукахъ, но больная не двигала руками. А. С. не считала себя больной и не соглашалась обратиться къ врачу.

¹³/x 1890 г. доставлена въ клинику. Крѣпкое тѣлосложеніе; хорошее питаніе. Черепъ правильной формы; на лѣвой темянной области вдавленіе кости съ неровными краями, длинной около 5 см., въ направленіи спереди назадъ и сверху внизъ; кожа тутъ утолщена, образуетъ рубецъ; къ давленію это мѣсто не чувствительно. На правомъ височномъ швѣ также ощущивается костное вдавленіе, съ кожнымъ рубцомъ на немъ. О происхожденіи этихъ вдавленій свѣдѣній не сообщено. На спинѣ три пятна, два давняго и одно недавняго происхожденія, по всей вѣроятности отъ фурункуловъ. Замѣчается значительный ціанозъ рукъ и ногъ. Тоны сердца чисты; пульсъ 68. Въ легкихъ сухіе хрипы, ихъ больше въ верхнихъ доляхъ легкихъ. Языкъ при высовываніи отклоняется слегка на право; правая половина лица кажется нѣсколько уплощенной; правая носогубная складка не такъ глубока, какъ лѣвая. Чувствительность и рефлексы нормальны. Больная въ угнетенномъ, подавленномъ состояніи; на вопросы отвѣчаетъ тихо и произноситъ слова такъ невнятно, что нельзя понять, что она говоритъ. Она медленно осматривается по сторонамъ, слѣдитъ взглядомъ, когда ее изслѣдуютъ, и имѣетъ при этомъ испуганный видъ и произноситъ мало понятныя фразы. Она не сопротивляется врачу при изслѣдованіи, но не исполняетъ его просьбъ, напр. дышать глубже. Когда ее просятъ совершать опредѣленные движенія, напр., идти, поднять руку и т. п., она исполняетъ эти движенія очень медленно и неловко. Ясно выражены восковая гибкость, а также склонность къ подражанію (подражательный автоматизмъ); ей можно придать любое положеніе и она остается въ немъ, пока ее изъ него не выведутъ; она воспроизводитъ движенія, совершаемыя передъ ней врачомъ: онъ подымаетъ руку, она смотритъ на него и тоже подымаетъ руку и держитъ ее вытянутой, пока врачъ не опуститъ свою; подражательныя движенія она совершаетъ медленно, даже въ томъ случаѣ, если подражаетъ быстрымъ движеніямъ. До ³⁰/x больная остается въ вышеописанномъ состояніи, но каталепсія все усиливается. Въ первыя дни своего пребыванія въ клиникѣ больная шла хорошо, но затѣмъ съ каждымъ

днемъ ѣла все хуже, такъ что понадобилось кормить ложкой; она при этомъ нисколько не сопротивляется—какъ только пища положена ей въ ротъ, она глотаесть. Сонъ также ухудшается и не смотря на повышаемыя до 75 капель Т-гае орй pro die, больная почти не спитъ. Если больную не удерживаютъ въ кровати, она встаетъ, станѣвится у дверей и разсматриваетъ, что дѣлается въ отдѣленіи, бормочетъ что-то непонятное тихимъ голосомъ; никакихъ отвѣтовъ на предлагаемыя вопросы не даетъ. Въ Декабрѣ больная все болѣе и болѣе связана, неподвижна; выраженіе лица неподвижное, пустое—какъ маска; она часто улыбается и настойчиво рветъ бѣлье, платье, постель, почему ей дана въ изоляторѣ солома и на нее надѣта рубашка изъ паруснаго холста. Она рветъ и крутитъ солому, то вертится на ней, то лежитъ спокойно, въ ней закутавшись. Больную по прежнему кормятъ съ ложки. Полный мутацизмъ, на вопросы реагируетъ веселымъ смѣхомъ. Всѣ движенія она производитъ медленно, какъ бы преодолевая большое сопротивление. Каталенсія и подражательный автоматизмъ въ той же степени, какъ и прежде. Больная всего нѣсколько разъ мочилась въ кровати. Въ началѣ января 1891 г. ее положили въ кровать въ наблюдательной комнатѣ; но она не оставалась въ кровати и выбѣгала изъ комнаты, почему послѣ неоднократныхъ попытокъ удержать ее въ кровати, ее опять помѣстили въ изоляторъ. Лежа на матрацѣ, она всѣмъ туловищемъ, конечностями и головой производитъ медленные движенія, напоминающія тоническія судороги и принимаетъ самыя странныя и неудобныя позы. Судорожныя движенія въ лицѣ сопровождаются горизонтальными движеніями глазныхъ яблокъ; движенія лица выражаются разнообразными гримасами. Во всѣхъ мускулахъ при этомъ замѣчается интенсивное напряженіе. Каталенсія ослабѣваетъ: когда больная видитъ, что другимъ паціентамъ подаютъ молоко, тихимъ голосомъ проситъ, чтобы и ей дали молока; проситъ, чтобы ей дали кровать. Въ концѣ января у больной появились на лѣвомъ предплечіи фурункулы, легкое повышеніе температуры. Каждый разъ при перевязкѣ она стонетъ, плачущимъ голосомъ твердитъ «Господинъ Докторъ», цѣлуетъ ему руки. Больная возбуждена въ половомъ отношеніи—когда врачъ разрѣзалъ ей фурункулъ, что причинило ей большую боль, она громкимъ голосомъ требовала отъ врача coitus. Съ половины февраля состояніе больной мѣняется; она ничего не говоритъ, но иногда произноситъ неартикулированныя, шипящія звуки, выскакиваетъ изъ кровати, очень высоко прыгаетъ, прыгаетъ на стѣну и при этихъ прыжкахъ ударяется со всего размаха объ стѣну, рѣшительно не реагируя ни на утомленіе, ни на боль, которыя должны быть очень значительны. Когда ее укладываютъ въ кровать, она вырывается, а если ее удерживаютъ въ кровати, она производитъ всѣмъ тѣломъ неправильныя, дергающія, змѣеобразныя движенія съ такой силой, что три сидѣлки не могутъ ее удерживать. Продолжительныя теплыя ванны оказываютъ ничтожное вліяніе на ея состояніе; удерживать ее въ ваннѣ въ высшей степени трудно и требуетъ работы нѣсколькихъ сидѣлокъ. Когда

ее заворачивают во влажную простыню, она двигается всё тѣломъ и ни на минуту не остается въ покоѣ.

Болезнь почти совсѣмъ не спитъ; если спитъ, то развѣ по нѣсколько минутъ подъ рядъ. Подкожное впрыскиваніе 0,005 *Hyosc.* + 0,015 *Morph.* вызвало сонъ въ продолженіи только трехъ часовъ, но затѣмъ больная по прежнему скачетъ. ¹⁹/II — больной даютъ черезъ 2—3 часа по 2,0 *Kali bromati* (въ день 10 грм.); никакого вліянія лѣкарства не замѣчается. ²⁰/II больной въ полдень дали 2,0 *sulfonal*, черезъ часъ она сдѣлалась спокойнѣе, ночью спала удовлетворительно, на другой день прежнее буйство. Отъ ¹⁷/II до ²⁰/II больную постоянно держали сидѣлки въ кровати; послѣ этого все тѣло ея въ синякахъ. Прыгая больная смѣется, иногда въ теченіи не болѣе одной минуты она плачетъ, затѣмъ опять смѣется. Если къ ней кто протягиваетъ руку, она ее цѣлуетъ рветъ платъе на себѣ и на приближающихся къ ней лицахъ. На вопросы не отвѣчаетъ, но иногда, когда ее спрашиваютъ, она успокаивается на нѣсколько минутъ.

Иногда, когда она становится спокойнѣе, она ласковымъ голосомъ, то очень тихо, то громко, повторяетъ фразы: «братецъ, не мучь меня», «братецъ, зачѣмъ ты меня мучаешь», «братецъ, я буду для тебя работать, я буду для тебя вязать чулки». «Мы всѣ хотимъ работать, мы всѣ хотимъ ѣсть, затѣмъ танцовать, потомъ совокупляться». «Всѣ радуются, всѣ счастливы, всѣ совокупляются». Съ ⁴/III больная становится спокойнѣе. Въ теченіе марта и апрѣля при систематическомъ употребленіи *Solfonal* (2—3,0 *pro die*) больная почти всегда покойна. Большею частью она сидитъ неподвижно на постели, иногда ходитъ въ неловкой, странной позѣ по комнатѣ, по много разъ перевортываетъ свою постель и ложится на нее въ разныхъ позахъ. Настроеніе духа почти всегда апатическое, но иногда она безъ всякаго повода плачетъ. Каталенсія по прежнему всегда наблюдается, но въ различной степени. На обращаемые къ ней вопросы отвѣчаетъ веселой улыбкой, иногда произноситъ не связанныя между собою слова. Въ тѣ дни, когда больная спокойнѣе, удается заставить ее немного вязать чулокъ, но для этого нужно положить начатую работу ей въ руки. Очень рѣдко молится въ кровати.

²³/III выписана изъ клиники по желанію родныхъ.

2. Паулина Вахманнъ, эстонка, крестьянка, служанка, 21 года. Отецъ и мать люди здоровые, въ семьѣ ни нервныхъ, ни душевныхъ болѣзней не было. Пациентка въ дѣтствѣ ничѣмъ не болѣла, правильно развивалась физически и психически; была вспыльчиваго характера. Четырехъ или пяти лѣтъ П. В. очень испугалась, увидѣвъ кровотеченіе у своей матери, была взволнована, у ней были судороги (?), но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она была здорова. Мѣсячныя появились на шестнадцатомъ году. Когда ей было 18 лѣтъ, она пять мѣсяцевъ служила няней въ одномъ имѣніи. Весною 1890 года поступила няней въ Юрьевѣ и жила до конца года. Вернувшись домой, она ухаживала за больными—своей тетей и сестрой, обѣ умерли весной 1891 года. Сестра П. В. заботѣла послѣ родовъ; насколько можно судить—родильной горячкой; когда врачъ объяснилъ роднымъ, что больная

безнадежна, П. В. очень испугалась, была спутана и при погребеніи сестры казалась душевно-больной. Она жаловалась на головную боль, качала головой по цѣлымъ часамъ, пряталась подъ кровать и ползала тамъ до утомленія. Иногда больная много безпричинно смѣялась, говорила цинично (до заболѣванія была скромная дѣвушка), бѣгала и ходила бездѣльно, затѣмъ опять жаловалась на головную боль, кричала, кувыркалась, прыгала и т. п.

Такое состояніе продолжалось 2—3 дня; затѣмъ она была спокойнѣе, но говорила непоследовательно и очень много говорила о половыхъ отношеніяхъ. Она то говорила, что снова поступитъ на мѣсто, то держала себя очень гордо и бранила своихъ родныхъ. Дѣтомъ состояніе ея настолько улучшилось, что она даже работала въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Осенью опять наступило ухудшеніе; она плохо спала и мало ѣла; была возбуждена, требовала хорошихъ платьевъ, не выносила ничего присутствія, особенно же враждебно относилась къ родителямъ и часто ихъ била; всякое возраженіе приводило ее въ бѣшенство, она дралась, ругалась, ломала, что попадалось подъ руку и т. п. Такія состоянія смѣнялись улучшеніями, когда больная была благодарна, при чемъ однако все таки обнаруживала большую раздражительность. Больная иногда говорила, что она больна—у ней голова не въ порядкѣ, иногда, что она совершенно здорова и что она пойдетъ на мѣсто; иногда говорила, что хочетъ искать жениха и выйти замужъ. Часто по нѣсколько разъ повторяла одну изъ слѣдующихъ фразъ: Я мужчина? Я женщина? Я проститутка? Я должна поступить на мѣсто! Когда больная была покойна, то настроеніе духа у ней было подавленное, она много плакала, говорила, что она сумашедшая и что ей очень тяжело это сознавать. Хотя больная и говорила часто непоследовательно, но никогда идей бреда не высказывала, всегда одѣвалась, какъ слѣдуетъ, и берегла свое платье.

¹⁹/1 1892 больная доставлена въ клинику отцомъ, лицо котораго открыто синяками и исцарапано, исцарапаны и руки; по его словамъ, это произвела больная. П. В. высокаго роста, съ хорошо развитой мускулатурой, крѣпкаго, правильнаго тѣлосложенія; больная—дѣвушка рѣдкой красоты; особенно красивы ея синія глаза и густыя, длинныя волосы пепельнаго цвѣта—крайне рѣдко встрѣчающагося у эстнонокъ. За исключеніемъ блѣдности слизистыхъ оболочекъ, никакихъ расстройствъ во внутреннихъ органахъ не наблюдается; нѣтъ и признаковъ вырожденія. Больная въ состояніи возбужденія, бѣгаетъ по отдѣленію, танцуетъ, кружится на одномъ мѣстѣ, говоритъ безсвязно и непонятно; съ врачомъ вѣжлива, послушна, но не отвѣчаетъ на вопросы. ²⁰/1 побила совершенно безъ всякаго повода другую больную; въ изоляторѣ вполнѣ покойна, но раздѣвается и остается въ одной рубашкѣ; только послѣ значительнаго сопротивленія удалось ее одѣть; по отношенію къ врачу вѣжлива, говоритъ, что она больна, что у ней голова не въ порядкѣ, но вдругъ кричитъ на него: уходите прочь.

До ²⁰/1 Большею частью покойна, иногда даже шветъ вполнѣ удовлетворительно, ѣсть мало—говоритъ, что не хочетъ растолстѣть; молчитъ или произноситъ не связанныя между собою, но не безсмысленныя фразы;

иногда взглядъ ея подолгу совершенно неподвиженъ, иногда она какъ бы судорожно закрываетъ глаза и остается на нѣсколько часовъ въ такомъ положеніи; изрѣдка смѣется. По вечерамъ она держитъ себя разумнѣе и разговариваетъ съ врачемъ; она вполне ориентирована относительно своего положенія; она въ больницѣ, потому что она сумашедшая; она дѣйствительно была отца—она это дѣлала въ силу болѣзни; она говорила неприличныя вещи—по той же причинѣ; очень хорошо сдѣлали, что помѣстили ее въ сумашедшій домъ; она должна просить прощенья у больной, которую она побила; эта больная ничѣмъ не вызвала ее на драку, но она была сумашедшей и потому побила несчастную больную, что очень дурно, у ней и теперь голова не въ порядкѣ. Въ продолженіи разговора она въ теченіи нѣсколькихъ минутъ становится нѣжной къ врачу, пытается поцѣловать у него руку; потомъ внезапно вскрикиваетъ: «Уходите прочь»^{30/1}. Сердится на врача: затѣмъ ее здѣсь держать; ей тутъ не хорошо. Если у больной поднимаютъ руку, рука остается въ данномъ ей положеніи, но позы ей придать нельзя; эти явленія наблюдаются, когда больная сосредоточена.

^{2/п}. Ясно выраженное напряженное состояніе произвольной мускулатуры, но долгу остается въ одномъ принужденномъ положеніи, сидя или стоя. Глаза при этомъ или закрыты—вѣки крѣпко стиснуты, или взглядъ неподвижный, но не устремленный на одну точку. При входѣ врача или сдѣлки отворачивается, а если къ ней подходятъ, закрываетъ голову одѣяломъ. Лишь изрѣдка больная держитъ себя благоразумно; тогда отвѣчаетъ, хотя мало и кратко на вопросы—она говоритъ, что она сумашедшая, что у ней голова опутана и сейчасъ-же утверждаетъ, что она здорова и не желаетъ оставаться въ клиникѣ. Часто повторяетъ: «уходите прочь»; когда у ней наступаетъ опять сравнительно лучшее состояніе, проситъ врача простить ее. Ничѣмъ не занимается, иногда внезапно производитъ нѣсколько секундъ энергическія движенія, напр. прыгаетъ, кружится и т. п. и затѣмъ опять принимаетъ прежнее положеніе. Бѣсть очень мало; однажды запачкала полъ и стѣны поданнымъ ей супомъ.

^{17/1}—Выписана изъ клиники по требованію Волостного Правленія.

^{27/п} опять доставлена въ клинику отцомъ; по словамъ отца, она четыре дня пробыла въ одной семьѣ, куда ее помѣстило Волостное Правленіе для призрѣнія; тамъ она была вполне покойна, молчала, не ѣла, часто обнимала одну старуху. ^{22/п} отецъ увезъ ее домой; дома она почти ничего не ѣла, до вечера 23 молчала, но затѣмъ сразу стала говорить и рассказала очень связно и совершенно вѣрно о своемъ пребываніи въ клиникѣ; въ продолженіи почти двухъ часовъ она говорила и вела себя, какъ здоровая. Въ слѣдующій день она была возбуждена, ѣла, много и безцѣльно ходила, размахивала руками, сердилась, если съ ней заговаривали, и разбила сахарницу, бранила мать. Затѣмъ больная успокоилась и все время лежала на кровати, спала хорошо. Не хотѣла ѣхать въ клинику, сопротивлялась, въ дорогѣ много плакала. При поступленіи больная ведетъ себя также, какъ и ранѣе; значительно исхудала. Она вырывалась изъ пріемной комнаты и силой была отведена въ отдѣленіе, въ которомъ находилась ранѣе; когда ее привели туда, она болѣе не сопротивлялась, раздѣлась сама, чтобы

взять ванну. До 15/III больная въ состояніи неподвижности, напряженія и связанности, подолгу остается въ одномъ положеніи, не говоритъ ни одного слова, ѣсть только бѣлый хлѣбъ въ очень маломъ количествѣ. Она или стоитъ въ одной принужденной позѣ съ неподвижнымъ взглядомъ, или лежитъ въ кровати, закутавъ голову въ одеяло; при попыткахъ измѣнить ея положеніе или позу, оказываетъ упорное сопротивленіе.

Однажды обняла сидѣлку и не выпускала ее изъ объятій, пока съ большими усилиями удалось разнять руки больной, энергически и съ большой силой сопротивлявшейся. Разъ днемъ маралась въ кровать. 23/III. У больной рвота. 30/III. Разумно разговариваетъ; она была больна и теперь у ней голова не въ порядкѣ, но она надѣется скоро выздоровѣть.

Такъ какъ она не ѣсть, то врачъ, пользуясь ея состояніемъ, старается уговорить ее достаточно кушать; больная при этомъ молчитъ; ее предупреждаютъ, что если она еще три дня не будетъ ѣсть, то ее будутъ кормить зондомъ. 4/IV—начато искусственное кормленіе; больная не сопротивляется. 5-го—со слезами на глазахъ просить, чтобы ее не кормили зондомъ; ей подали обѣдъ и сказали, если она не съѣсть его до вечера, ее будутъ кормить черезъ зондъ; она не дотронулась до пищи, почему произведено искусственное кормленіе; опять плачетъ и просить не кормить ее такъ, но не сопротивляется. До 17/IV больная или лежитъ въ кровати неподвижно, закутавъ голову, или стоитъ въ углу въ принужденной позѣ. Если пытаются измѣнить ея положеніе или уложить въ кровать, она пассивно сопротивляется, когда это дѣлаетъ врачъ, и дерется, когда это дѣлаютъ сидѣлки. Если при входѣ врача она въ свободной позѣ, то сейчасъ же принимаетъ принужденную, связанную. Иногда бессвязно повторяетъ одни и тѣ-же слова или фразы, общій смыслъ которыхъ—она должна возвратиться домой, у ней много дѣлъ и т. п. Иногда мочится въ кровать; послѣ 17-го ее нѣсколько разъ въ день водятъ въ нужникъ, но она не испражняется и не мочится въ нужникъ, а или въ комнатѣ или на коридорѣ, когда ее ведутъ въ нужникъ. 20/IV. Больную навѣстилъ ея отецъ; когда ей сказали, что къ ней сейчасъ придетъ отецъ, она приняла принужденную позу, при входѣ отца слезы обильно потекли изъ ея глазъ, но ни выраженіе лица, ни поза ничуть не измѣнились; съ отцомъ она не сказала ни слова, но пока онъ оставался въ комнатѣ—около получаса—она плакала. На другой день и сидѣлокъ, и врачей спрашиваетъ—въ городѣ-ли ея отецъ, придетъ ли онъ къ ней, возьметъ ли ея изъ клиники? 28/IV. Больная болѣе не марается въ комнатѣ; говорила съ врачомъ; сказала, что ей неприятно, что ее неодоливо видятъ мужчины, что врачи не должны приходить по ночамъ въ отдѣленіе; это безстыдство и т. п.; затѣмъ стала говорить такъ тихо, что нельзя было ничего разобрать. 3/V. Общается сама ѣсть, если ее не будутъ кормить черезъ зондъ; въ этотъ день съѣла всю порцію, но на другой день кофе разлила и не дотронулась до хлѣба. Связанность ослабѣваетъ; съ каждымъ днемъ она все меньше и меньше остается въ связанномъ, неподвижномъ состояніи и уже около половины мая всѣ дни проводитъ или лежа или сидя на кровати. На вопросы не отвѣчаетъ; иногда, когда къ ней подходятъ, говоритъ: «Уходите прочь». 18/V—выписана по желанію отца.

3. Лена Вецозоль, латышка, крестьянка, служанка 25 лѣтъ, происходитъ изъ здоровой семьи, была всегда здорова, хорошо училась въ школахъ. Въ 1888 году она служила няней въ одномъ семействѣ, гдѣ будто-бы съ ней обращались дурно и не давали ей достаточно спать; разъ она задремала, держа ребенка на рукахъ; ребенокъ упалъ на полъ и хозяйка очень ее бранила. Оставивъ это мѣсто, она вернулась къ родителямъ и они замѣтили ненормальность ея состоянія; въ декабрѣ она впала въ совершенное оцепененіе, не ѣла, не говорила, ничѣмъ не реагировала на окружающее, даже не реагировала на уколы иглой, закрывала глаза и сжимала вѣки, если пытались ихъ раскрыть. Такое состояніе продолжалось девятнадцать дней; больная затѣмъ сдѣлалась понемногу подвижнѣе, стала читать молитвенники и даже много говорила о религіи. Весною она училась, чтобы получить причастіе, и хотя, по мнѣнію отца, она въ то время была несомнѣнно душевно-больной, но училась хорошо и отвѣчала «еще лучше другихъ», по выраженію отца. Вскорѣ больная опять перестала говорить, «ходила, какъ нѣмая», не работала, вела себя странно, не выходила изъ избы за большой нуждой и ей подавали горшокъ. Людей она какъ бы стыдилась или боялась, даже родныхъ, а отъ постороннихъ пряталась въ кровать. Весной 1892 года Л. В. начала говорить, но вмѣстѣ съ тѣмъ стала убѣгать изъ дому, раздѣвалась въ полѣ, почему ее пришлось запереть. Ни обмановъ чувствъ, ни идей бреда у ней не замѣчали, но раза два она сказала «черти нападаютъ». Въ послѣднее время она обнаруживала сопротивленіе и все дѣлала наперекоръ. ^{5/VI} 1892 больная доставлена въ клинику; она выше средняго роста; крѣпкаго тѣлосложенія, удовлетворительнаго питанія; признаковъ вырожденія и патологическаго состоянія внутреннихъ органовъ не найдено. Ясныхъ отвѣтовъ на предлагаемые вопросы не даетъ, смѣется, тримасничаетъ, сопротивляется, не только кричитъ, но и визжитъ разными голосами, даже когда оставлена была одна въ комнатѣ. Аппетитъ хорошъ, сонъ не регуляренъ, мочится и испражняется на полъ и въ постель. Большую часть дня больная сидитъ, скорчившись въ углу, издаетъ безсвязные звуки, лаетъ и т. п.; иногда такъ проводитъ и ночи, при чемъ очень долго остается въ одной позѣ. Вмѣстѣ съ этимъ временами больная обнаруживаетъ любопытство и наблюдательность; по долгу смотритъ въ зеркало, слѣдитъ, что происходитъ вокругъ нея и т. п.

Въ Іюнѣ и Іюлѣ состояніе больной не измѣняется. Пробовали нѣсколько разъ одѣвать больную и выводить въ наблюдательную комнату (Beobachtungszimmer), но она нѣсколько разъ безъ всякаго повода ударяла другихъ больныхъ, рвала у нихъ одежду и т. п.; также вполне безуспѣшны были всѣ попытки заставить больную чѣмъ нибудь заниматься. Больная очень много шумитъ; по цѣлымъ часамъ произноситъ или отдѣльные несвязанныя между собою фразы, или даже слова; интонація ея при этомъ позволяетъ предположить то угрозы, то брань, то жалобы, но выраженіе лица не соответствуетъ интонаціи; иногда больная совершенно спокойно, такъ сказать, чисто механически, кричитъ монотонно въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, оставаясь при этомъ вполне покойной, съ совершенно

равнодушнымъ, неизмѣненнымъ выраженіемъ лица. Въ такомъ же состояніи больная остается и въ Августѣ и Сентябрьѣ; неоприятность ея даже увеличивается.

Въ Октябрьѣ рѣчь ея становится совершенно непонятной, но кричитъ она еще болѣе рѣзкимъ громкимъ голосомъ; регулы были крайне обильныя, продолжались четыре дня. Во время регулъ возбужденіе сильнѣе; ночью кричитъ почти не переставая. ²⁰/x вмѣстѣ съ больной была помѣщена ма-ніачка; Л. В. внимательно ее наблюдаетъ, смѣется надъ ея выходками, перестала кричать.

Въ Ноябрьѣ больная покойна, принимаетъ странныя, крайне неудобныя позы и цѣлыя часы остается безъ движенія въ принятой позѣ; очень сопротивляется, если пытаются измѣнить ея положеніе; не обнаруживаетъ неудовольствія или утомленія, оставаясь долго въ самой неудобной позѣ, при чемъ лицо не мѣняетъ своего выраженія.

На предлагаемыя вопросы она или не отвѣчаетъ, или же произноситъ неартикулированные звуки, при чемъ скалитъ зубы; иногда одно слово повторяетъ безчисленное число разъ монотоннымъ голосомъ; она произноситъ слова то быстро, то на распѣвъ, но всегда, начавъ его какимъ либо темпомъ, не мѣняетъ ни этого темпа, ни высоты, ни силы звука; какого либо соответствія между смысломъ слова и способомъ его произношенія нѣтъ. Аппетитъ постоянно хорошъ. Съ другой больной, помѣщенной въ ту же комнату, Л. В. уживается хорошо. Опять неоднократно пробовали уложить ее въ кровать въ наблюдательной комнатѣ, но она всегда тотчасъ же вскакиваетъ, ползаетъ черезъ кровать и подъ кроватью и т. п.; удерживать ее силой въ кровати невозможно, въ виду крайне энергическаго и настойчиваго сопротивленія, ея оказываемаго; нужно было опасаться, вывиховъ и переломовъ: съ такой силой она сопротивляется. Когда ее приводили въ изоляторъ, она по прежнему неподвижно лежала на своемъ матрацѣ. Въ январѣ 1893 г. она однажды побила сидѣлку, желавшую взять у ней тарелку по окончаніи обѣда; больная это сдѣлала совершенно спокойно, не сказавъ ни одного слова и совершенно неожиданно; потомъ тотчасъ-же лежитъ спокойно и никакой враждебности къ этой сидѣлкѣ не обнаруживаетъ, какъ не обнаруживала до этого дня; вообще же она добродушна. Причудливыя, неудобныя позы сохраняетъ подолгу, при чемъ еще болѣе, чѣмъ прежде, наблюдателя поражаетъ, какъ больная можетъ оставаться неподвижной при такихъ неудобныхъ положеніяхъ тѣла; измѣнить положеніе членовъ невозможно безъ нанесенія вреда больной; сила ея при этомъ, принимая конечно во вниманіе ея возрастъ и тѣлосложеніе, удивительна; оказывая сопротивленіе, она не сердится, выраженіе лица остается безъ всякаго измѣненія. Въ маѣ ее выводятъ на коридоръ, въ садъ, гдѣ она по цѣлымъ часамъ качается всѣмъ тѣломъ изъ стороны въ сторону или спереди назадъ; разъ она начала качаться справа на лѣво или наоборотъ, то именно это движеніе и въ томъ-же темпѣ продолжаетъ непрерывно и неизмѣнно до тѣхъ поръ, пока ее уведутъ въ комнату или подадутъ пищу. Если она не качается, то также непрерывно поетъ нѣсколько тактовъ какой либо мелодіи, не произнося словъ, не мѣняя ни высоты, ни силы го-

лоса, ни выраженія. Въ июнѣ ея поведеніе было лучше, но въ концѣ мѣсяца больная впала въ прежнее состояніе. Въ августѣ больная увидѣла, какъ одна пациентка-крестьянка закурила папиросу; она очень внимательно смотрѣла и потомъ захохотала и продолжала смѣяться, не переставая, нѣсколько часовъ. Всю осень больная остается въ томъ-же состоянїи; обнаруживаетъ симпатію и называетъ всегда по фамиліи одну изъ сидѣлокъ; ни съ кѣмъ больше не произносить ни одного слова. Ея позы окончательно выработались, стали стереотипными; новыхъ она уже не выдумываетъ; эти стереотипныя позы смѣняются безъ опредѣленной послѣдовательности, и по позѣ, принятой ею до обѣда, нельзя предсказать, какую она приметъ послѣ обѣда. Сонъ и аппетитъ хороши. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ иногда замѣчалась *flexibilitas cerea*; вообще это было въ дни, когда больная была веселѣе, благоразумно гуляла въ саду. Чаще же она цѣлые часы лежитъ, сидитъ или стоитъ въ одной изъ своихъ позъ. Больная обнаруживаетъ большой аппетитъ и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы завладѣть пищею; ѣсть быстро и жадно. Неряшливость все усиливается, и она почти всегда марается подъ себя; ее водили въ нужникъ по нѣсколько разъ въ день, но тамъ она не мочилась, хотя ее подолгу оставляли на стульчакѣ; иногда возвратясь въ изоляторъ изъ нужника, она тотчасъ-же маралась или мочилась на полъ. Если она не принимаетъ позы, то по приказанію встаетъ съ постели или ложится въ нее тотчасъ-же; если она приняла позу, то совершенно не реагируетъ на приказанія. Въ сравнительно лучшіе дни выраженіе ея лица и глаза свидѣтельствуютъ, что больная не слабоумна; какого либо опредѣленнаго характера выраженіе лица не имѣетъ; такое выраженіе бываетъ въ состоянїи разсѣянности.

18 Декабря 1895 больная выписана по желанію отца.

4. Янъ Клявинтъ, 22 лѣтъ, латышь, земледѣлецъ. Отецъ, мать, а равно три брата и одна сестра больного совершенно здоровы; между родными Я. К. нѣтъ душевныхъ и нервныхъ больныхъ. Пациентъ былъ здоровый, нормальный мальчикъ и юноша. Въ октябрѣ 1889 года вечеромъ собака вскочила ему на спину (?); онъ очень испугался, потому что, будто-бы, въ то время въ окрестностяхъ всѣ были напуганы бѣшеной собакой. Послѣ этого происшествія Я. К. сталъ жаловаться на разные боли въ груди, головѣ, а также на разные ненормальныя ощущенія, напр. ему казалось что въ верхней части живота находится какое-то постороннее тѣло. Эти жалобы становились всѣ настойчивѣе и по прошествїи мѣсяца больной уже высказывалъ странныя мысли. Напр. онъ говорилъ матери, что его младшій братъ не долженъ слушаться отца, а обязанъ подчиняться ему, что отецъ ничему хорошему не научитъ младшаго брата. Такія идеи убѣдили всѣхъ, что Я. К. душевно-больной. Тогда-же пациентъ пересталъ работать, началъ убѣгать въ лѣсъ, прятался по угламъ, плакалъ, смѣялся, не спалъ по ночамъ или спалъ недостаточно, былъ почти всегда боязливъ и говорилъ, что какой то старикъ, какіе-то люди ходятъ на чердакъ ихъ дома и онъ ихъ боится. Галлюцинацій не было. Такое состояніе продолжалось

безъ замѣтныхъ колебаній нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ мало по малу развивалось ухудшеніе. Пациентъ иногда стоитъ съ закрытыми глазами въ неподвижной позѣ нѣсколько минутъ подъ-рядъ. Осенью 1891 года сторгѣлъ амбаръ его отца; подозрѣвали, что поджогъ совершилъ Я. К., за что онъ былъ избитъ сосѣдями. 11/ш 1892 доставленъ въ клинику. Я. К. средняго роста, хорошаго питанія, прекрасно сложенъ; мускулатура хорошо развита. На правой щекѣ большой рубецъ синеватаго цвѣта; подкожная клѣтчатка въ окрестности этого рубца сильно инфильтрирована.

Пациентъ закрываетъ глаза, принимаетъ разныя неестественныя позы, *flexibilitas cerea* вполне выражена; на вопросы отвѣчаетъ отрывисто, кратко и бессмысленно. Когда его уложили въ постель, онъ разорвалъ подушку и перья высыпалъ на кровать другого больного, который съ нимъ не говорилъ и вообще ничѣмъ не вызвалъ такой выходки; эта послѣдняя имѣла видъ шалости, но крайней мѣрѣ, ничто не указывало, что Я. К. хотѣлъ обидѣть своего сосѣда. Послѣ этого его перевели въ изоляторъ; черезъ полчаса онъ разбиваетъ кулакомъ и головой корабельное стекло въ окнѣ; когда его упрекаютъ за этотъ поступокъ, онъ совершенно равнодушно отвѣчаетъ: «стекло само разбилось; такъ пришлось». Его перевели въ изоляторъ, въ которомъ окно снабжено снаружи толстой рѣшеткой; Я. К. со всѣхъ силъ бьетъ рѣшетку, ломаетъ ее, но не могъ разломать, кричитъ и поетъ церковныя пѣснопѣнія. 12/ш—Я. К. спалъ отъ 10 до 12 ночи; все остальное время кричалъ и пѣлъ. Днемъ больной покойнѣе, большею частью лежитъ съ закрытыми глазами. *Flexibilitas cerea* ясно выражена; больной остается въ самыхъ неудобныхъ положеніяхъ невѣроятно долго; сколько можно судить по выраженію лица, ему пріятно, когда его изслѣдуютъ. До конца марта больной остается въ изоляторѣ; на вопросы отвѣчаетъ, что ему не скучно и что онъ доволенъ обстановкой и пищей. При разговорѣ пациентъ закрываетъ глаза, голову закидываетъ назадъ и весь выпрямляется, разговаривающаго съ нимъ часто дергаетъ слегка, какъ-бы шутя, за полу сюртука или толкаетъ его. Часто, окончивъ обѣдъ или ужинъ, ломаетъ ложку и чашку совершенно покойно, не объясняетъ, почему это онъ такъ дѣлаетъ. По ночамъ спитъ удовлетворительно. Въ апрѣлѣ, въ виду того, что онъ постоянно рветъ бѣлье, ломаетъ мебель, толкаетъ другихъ больныхъ, на него была надѣта рубашка изъ паруснаго холста съ глухими рукавами (по образцу употребляемой въ Бедламѣ); больной въ этой рубашкѣ дни можетъ проводить въ общей залѣ, ограничивается сравнительно невинными выходками—внезапно прыгаетъ, гримасничаетъ, роняетъ на полъ диванъ, лазитъ подъ столъ, слегка толкаетъ больного, служителя или врача; все это внезапно, безъ всякаго мотива и добродушно. Съ мая по ноябрь у больного вербигерация смѣняется мутацизмомъ; оба явленія вполне выражены, но мутацизмъ продолжительнѣе—большую часть дня больной абсолютно молчитъ; мутацизмъ смѣняется вербигерацией безъ всякой правильности; больной одно какое либо слово повторяетъ безчисленное число разъ—въ продолженіи часа и даже болѣе; сравнительно рѣдко онъ повторяетъ какую нибудь краткую фразу. Цѣлые дни больной остается въ ката-

лептическомъ состояніи; разъ или даже нѣсколько разъ въ день онъ внезапно вскакиваетъ, бѣгаетъ по коридору и затѣмъ стоитъ непремѣнно въ углу въ каталептической позѣ. Не портитъ вещей и не марается подъ себя. Бѣтъ очень много.

Многokrатно расцарапываетъ рану на лицѣ, почему та не можетъ окончательно зажить. Въ ноябрѣ состояніе безпричинно измѣняется. Больной поетъ по цѣлымъ часамъ, и довольно хорошо, церковныя пѣснопѣнія. Добродушно относится къ товарищамъ; веселое настроеніе духа. Часто становится по срединѣ залы въ театральной величественной позѣ и читаетъ вслухъ русскую книгу, хотя больной и не вполне владѣетъ русскимъ языкомъ, но не желаетъ читать книгъ на латышскомъ языкѣ. Не объясняется, что онъ читаетъ, и сколько можно судить, онъ читаетъ чисто механически. На всѣ вопросы врачей отвѣчаетъ громкимъ, пронзительнымъ смѣхомъ. ¹⁰/XII. Больной марался на полъ и началъ вытирать своимъ платьемъ; когда ему помѣшали это дѣлать, не сопротивлялся. 13-го Я. К. сталъ, прислонившись къ печкѣ, смѣется очень громко, вынимаетъ половой членъ и въ присутствіи врача, служителей и больныхъ начинаетъ рукоблудить; по приказанію врача, прекращаетъ рукоблудіе, но продолжаетъ по уходѣ врача. Въ январѣ 1893 года больной спокоенъ, стоитъ цѣлые дни на одномъ мѣстѣ; цѣлоузвонечней въ значительной степени; по собственной инициативѣ иногда говорить отдѣльныя фразы, хотя сами по себѣ и не безмысленныя, но не имѣющія отношенія къ положенію больного; на вопросы реагируетъ вербигерацией. Съ 2 по 17 февраля больной беспокоенъ; быстро ходитъ или даже бѣгаетъ по залѣ и коридору, постоянно произносить слова, не имѣющія связи между собою или даже безмысленный наборъ буквъ, но съ различными выраженіями, такъ что кажется, будто онъ говоритъ на извѣстномъ слушателю языкѣ. ¹⁹/I. Разбилъ три корабельныхъ стекла одно за другимъ; каждый разъ это онъ дѣлалъ такъ быстро и внезапно, что служителя не успѣвали ему помѣшать; послѣ того, какъ онъ разбивалъ стекло, онъ былъ такъ спокоенъ, что можно было ожидать, что онъ не повторитъ этой выходки, и только послѣ того, какъ онъ разбилъ третье стекло, его помѣстили въ изоляторъ. Состояніе безъ измѣненія до ⁶/III; съ этого дня онъ въ нужникѣ или свой калъ, или урыльникъ бросаетъ въ окно; по приказанію служителя совершенно послушно возвращается въ изоляторъ. Съ ⁷/III по ²/IV больной спитъ болѣе двѣнадцати, а иногда и пятнадцати часовъ въ сутки, по крайней мѣрѣ такъ кажется—если онъ и притворяется спящимъ, то такъ искусно, что нѣтъ возможности отличить настоящаго сна отъ притворнаго. По вечерамъ онъ становится на колѣни и поетъ или церковныя пѣснопѣнія или пѣсни. ¹⁵/IV—рана на лицѣ окончательно зажила. ²³/IV. Вечеромъ болѣе трехъ часовъ стоялъ на колѣняхъ безъ малѣйшаго измѣненія въ положеніи. ⁴/V. Послѣ обѣда и ужина сломалъ ложки, которыми кушалъ. ¹⁶/V. Больной цѣлый день бѣгаетъ по комнатѣ и повторяетъ довольно ясно, по много разъ, слѣдующія фразы: «пшите». «Боже, Царя храни»; «я жемчугъ благоразумія, поэтому я долженъ бѣтъ грязь». «Это очень трудно». «Всѣ травы хороши, которыя растутъ лѣтомъ». «Ты въ

домѣ Навуходосора». ¹³/vч Больной болѣе двухъ часовъ непрерывно скачетъ черезъ голову, а потомъ лежитъ неподвижно, затѣмъ опять скачетъ; въ продолженіи дня онъ такъ скачетъ 6—10 часовъ.

Такимъ образомъ больной проводитъ время съ ¹³/vч по ²⁰/vч; на правомъ плечѣ образовался абсцессъ, вскрытый ²⁰/vч съ помощью Пакленовскаго аппарата, тѣмъ не менѣе Я. К. по прежнему скачетъ черезъ голову; ²⁹/vч всѣ плечи покрыты кровоподтеками и больной потерялъ много крови; раны рубцуются хорошо, больной продолжаетъ скакать; ³/ix скакалъ болѣе четырехъ часовъ подъ рядъ, пересталъ скакать вслѣдствіе крайняго изнеможенія—выраженіе лица было такое, какое бываетъ при крайнемъ утомленіи. Съ ⁵/ix по ²³/ix больной все время покойно лежитъ въ кровати и, насколько можно судить, спитъ большую часть сутокъ. Съ ²⁴/ix поетъ большую часть дня церковныя пѣснощнія. ²⁷/ix—въ продолженіи шести часовъ стоитъ на четверенькахъ, при попыткахъ вывести его изъ этого положенія оказываетъ самое энергическое, но только пассивное, сопротивленіе. Съ ²⁸/ix испражняется на полъ въ комнатѣ, принимая положеніе, какое имѣетъ собака при исполненіи этого акта. Съ ⁴/x по ¹⁵/x—приблизительно половину дня Я. К. стоитъ передъ печкой и плюетъ на нее, попадая въ то-же мѣсто; въ минуту онъ плюетъ три—четыре раза, съ большой регулярностью, въ тактъ, какъ бы ритмически; каждый свой плевокъ онъ такъ-же регулярно слизываетъ. Всѣ попытки помѣшать больному дѣлать это совершенно безуспѣшны; когда его перестаютъ держать служителя въ кровати, онъ, не снѣша, подходитъ къ печкѣ на прежнее мѣсто и начинаетъ плевать; когда его отводятъ отъ печки, онъ оказываетъ пассивное сопротивленіе, но безъ всякаго аффекта. Выраженіе лица свидѣтельствуетъ о хорошемъ настроеніи. ¹/x—ночью марается на полъ и пока служителя вошли убрать, онъ началъ бѣгать свой калъ. Съ января 1894 г. больной ведетъ себя лучше; дни проводитъ въ общей залѣ, принимаетъ театральныя, величественныя и даже неудобныя позы; часто болѣе или менѣе ясно выражена катаlepsія. Часто больной внезапно и безъ всякаго видимаго мотива бѣгаетъ по комнатѣ и затѣмъ сразу останавливается, какъ вкопанный. Въ продолженіи всего лѣта у больного веселое настроеніе, часто поетъ или кричитъ. На вопросы не отвѣчаетъ, но иногда говоритъ самъ, при чемъ не обнаруживаетъ ни обмановъ чувствъ, ни идей бреда. Врачу самъ протягиваетъ руку, иногда цѣлуетъ руку врача. Бѣтъ и спитъ хорошо. Царапаетъ свои раны на плечахъ, почему онѣ заживаютъ очень медленно. Въ Августѣ больной спитъ десять и даже болѣе часовъ въ сутки. ¹⁰/x Больной много бѣгаетъ по отдѣленію и наконецъ ломаетъ щекатурку; ¹²/x ведетъ себя благообразно. ³⁰/x Большую часть дня лежитъ на полу и усиленно сопротивляется, если его переносить на кровать; оставленный въ кровати тотчасъ-же встаетъ и ложится на прежнее мѣсто на полу и въ той-же позѣ, иногда внезапно вскакиваетъ и кричитъ пронзительнымъ голосомъ; на вопросы не отвѣчаетъ. Съ ⁷/xi болѣе не лежитъ на полу; его перевели въ общую залу, гдѣ онъ или стоитъ на одномъ мѣстѣ, нисколько не реагируя на окружающее, или сидитъ всегда на одномъ мѣстѣ; выраженіе лица, по

большей части веселое; онъ часто улыбается. По нѣсколько разъ въ день медленно встаетъ и на ципочкахъ осторожно подкрадывается сзади къ какому-либо больному, служителю или врачу и толкаетъ его въ спину или слегка ударяетъ, при чемъ улыбается; все это имѣть видъ шутки и даже очень осторожной; больной, не смотря на свою очень большую силу, толкаетъ и ударяетъ очень слабо. Когда ему удается произвести эту штуку, онъ громко хохочетъ и прыгаетъ очень неуклюже; неловкость прыжковъ умышленная: больной ловокъ и не лишенъ граціи. Однажды подкрался такимъ-же образомъ къ служителю, поднялъ его на воздухъ и, продержавъ нѣсколько мгновений, осторожно поставилъ его на ноги; выражалъ при этомъ крайнее удовольствіе и хохоталъ очень долго и очень громко. Послѣ этой выходки сѣлъ спокойно на свое мѣсто и оставался неподвижнымъ до ужина; на сдѣланныя ему упреки и угрозы запереть въ изоляторъ, въ случаѣ повторенія такой шалости, повидимому, не реагировалъ, однако болѣе не дѣлалъ такихъ шутокъ.

Послѣ этого онъ ограничивался тѣмъ, что быстро вскакиваетъ съ своего мѣста, дотрогивается пальцемъ до кого либо изъ находящихся въ залѣ, затѣмъ быстро садится на свое мѣсто и принимаетъ совершенно ту же позу, какъ и до вставанія. Въ концѣ января 1895 г. больной безъ всякаго повода становится настолько безпокойнымъ, что оказалось необходимымъ помѣстить его въ изоляторъ. Въ Февралѣ онъ то въ каталептическомъ состояніи, то крайне безпокоенъ, рветъ на мелкіе кусочки матрацы, рубашки; настроеніе духа при этомъ, насколько можно судить, угнетенное: онъ не улыбается, какъ то часто дѣлалъ, когда проводилъ дни въ общей залѣ также незамѣтно и гнѣвнаго аффекта. Въ Мартѣ и Апрѣлѣ безпокойство все усиливается и къ $20/IV$ достигаетъ такой степени, что оказалось необходимымъ завертывать его въ мокрая простыни и забинтовывать въ нихъ, такимъ образомъ онъ лежитъ въ продолженіи четырехъ дней, но по ночамъ безпокоенъ, не смотря на пріемъ различныхъ снотворныхъ, и разрываетъ на самыя мелкіе кусочки все, что ему даютъ. Во время наибольшаго безпокойства онъ не наноситъ никому вреда, ограничивается пассивнымъ сопротивленіемъ, когда его держатъ, при чемъ ни малѣйшаго гнѣва или злобы противъ этихъ лицъ или врача не обнаруживается. Если во время его прыжковъ стать передъ нимъ, то онъ мѣняетъ направленія и вообще соблюдаетъ величайшую осторожность, чтобы не причинить вреда врачу и служителямъ. Движенія, имъ совершаемыя такъ разнообразны и необычны, что приходится только удивляться; онъ становится на голову и плашмя падаетъ навзничъ, танцуетъ на колѣняхъ и т. п.; отъ этихъ движеній тѣло покрыто кровоподтеками.

Съ $23/IV$ по $5/V$ нѣсколько спокойнѣе, больше лежитъ, чѣмъ прыгаетъ, марается въ комнатѣ. Иногда вскакиваетъ и съ большою энергіей стучитъ по рѣшеткѣ окна и оглушительно кричитъ; черезъ нѣсколько минутъ опять ложится на прежнее мѣсто (въ изоляторъ кладутъ достаточно древесныхъ стружекъ). Съ $13/V$ много спитъ, но по ночамъ иногда оглушительно кричитъ.

Съ $17/v$ спокоенъ; катаlepsія; лежитъ по нѣсколько часовъ неподвижно въ одной позѣ, чаще всего очень скорчившись; съ $20/v$ опять марается на полъ, его нѣсколько разъ въ день водятъ въ нужникъ, но онъ тамъ не исполняетъ своихъ естественныхъ потребностей. Въ такомъ состояніи до конца Іюня. Въ продолженіи лѣта и осени его поведеніе слѣдующее: онъ постоянно находится въ изоляторѣ, на стружкахъ, такъ какъ рветъ все, что ему даютъ. На вопросы, къ нему обращенные, отвѣчаетъ своеобразнымъ киваніемъ головы или жестами; говоритъ очень много, но такъ, что можно уловить лишь нѣкоторыя слова, почему нельзя судить, насколько разумна рѣчь больного. Иногда поетъ громко, какъ бы сердитымъ голосомъ, но съ выраженіемъ; держитъ тактъ и мелодію; поетъ постоянно или церковныя пѣснопѣнія, или гимны.

По цѣлымъ часамъ молчитъ, но иногда вдругъ оглушительно вскрикиваетъ и опять надолго замолкаетъ. Иногда больной неожиданно вскакиваетъ и бѣгаетъ нѣсколько минутъ по комнатѣ, или вдругъ стремительно подбѣгаетъ къ врачу; затѣмъ также мгновенно впадаетъ въ свое обычное окаменѣлое состояніе. Необычайно много ѣсть съ рѣдко встрѣчаемой жадностью; онъ даже не жуетъ пищу; хотя ему даютъ много ѣсть, но онъ все усилія употребляетъ къ тому, чтобы украсть все съѣдобное, для чего ловко пользуется всякой олошностью прислуги; когда ему удается завладѣть пищей, предназначенной для другихъ больныхъ, то онъ хватается все, что попадаетъ подъ руки и уничтожаетъ съ величайшей быстротой, закидываетъ себѣ въ ротъ все вмѣстѣ; глотаетъ какъ можно проворнѣе жидкую пищу; остановить его при этомъ невозможно. Также онъ проявляетъ крайнюю жажду; однажды въ ванной комнатѣ онъ схватилъ кружку и сталь быстро черпать ею грязную, теплую воду изъ ванны; пока служителя съ величайшими усиліями остановили его, онъ успѣлъ выпить около ведра воды. Часто марается въ комнатѣ и иногда ѣсть свой калъ, не смотря на все мѣры помѣшать ему это дѣлать. Въ Ноябрь больной ведетъ себя благо-разумнѣе; переведенъ въ общее отдѣленіе; бережно обращается съ своимъ платьемъ и держитъ себя опрятно. Проситъ давать ему пиво и эту просьбу произноситъ достаточно внятно, но при этомъ вербигерируетъ; въ концѣ ноября настроеніе духа у больного улучшается; онъ по просьбѣ врача хорошо пишетъ свое имя, сколько ему лѣтъ и т. п. $27/xi$ марается на полъ въ общей залѣ; послѣ этого нѣсколько дней ведетъ себя хорошо; очень много днемъ спитъ въ неудобной позѣ на скамейкѣ; въ Декабрь опять становится безпокоенъ, марается на полъ; переведенъ въ изоляторъ. $27/xi$ — $4/xi$ ведетъ себя довольно хорошо, былъ въ саду, всегда проситъ хлѣба. Иногда очень веселъ, добродушно ударяетъ врача по плечу; большую часть дня проводить въ углу или спитъ на скамейкѣ. Тоже состояніе до конца года. Январь 1896—тоже состояніе; въ февралѣ и физическое, и психическое состояніе больного ухудшается; прожорливость все усиливается; постоянно пытается ѣсть свой калъ, почти всегда марается подъ себя. Въ теченіи Марта и Апрелья больной очень безпокоенъ, рветъ и портитъ все, что ему даютъ съ удивительной настойчивостью. Съ Мая больной хирѣетъ и сла-

бѣтъ; онъ цѣлые дни лежитъ въ одной позѣ, не обращая ни на что вниманія, но стоитъ лишь сказать «обѣдать», «ужинать» и т. п., какъ больной вскакиваетъ и ищетъ глазами кушанье; убѣдившись, что ѣды нѣтъ, опять ложится; когда же пища подана, онъ съ удивительной жадностью набрасывается на нее и пожираетъ все въ нѣсколько минутъ; сколько-бы ему не подали, тотчасъ-же ничего не остается. Въ Іюнѣ у больного поносъ; его водятъ въ садъ гулять подъ руки два служителя. Въ Іюлѣ его посѣтила мать; повидимому онъ узналъ ее, но какъ только увидѣлъ въ ея рукахъ корзинку съ пирогами, сталъ ихъ ѣсть; съ добродушной улыбкой предложилъ матери нѣсколько кусочковъ, произнесъ нѣсколько словъ, выражающихъ удовольствіе. Послѣ посѣщенія матери, въ виду его спокойнаго поведенія, его одѣли и посадили на скамейку; черезъ нѣсколько часовъ больной изорвалъ и платье, и бѣлье.

Съ 11/уш леченіе уже не вліяетъ на поносы, такъ какъ, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, больной 3—4 раза въ день имѣетъ жидкія испраженія. Онъ такъ играетъ своимъ каломъ и такъ упорно мастурбируетъ и теребитъ свои половые органы, что на руки надѣты перчатки; онъ плюетъ на нихъ, слизываетъ слюну, третъ ими половые органы. Часто поетъ однимъ и тѣмъ-же тономъ молитвы и пѣсни, иногда толкаетъ служителей и врача ногой, но меня не толкнулъ ни разу. Аппетитъ и жажда неутолимы. 13/уш. Больной апатиченъ, переведенъ въ наблюдательную комнату, гдѣ помѣщенъ въ постели съ высокими боками.

Черезъ нѣсколько дней поносъ немного уменьшается и больной представляется болѣе оживленнымъ. Не смотря на то, что на его рукахъ перчатки—рукавицы изъ паруснаго холста, изорвалъ толстую клеенку, которой обиты бока кровати. Больной покойно лежитъ въ кровати, лишь иногда, увидѣвъ кушанье, поданное кому либо изъ больныхъ, быстро вскакиваетъ изъ кровати и набрасывается на пищу. Съ Октября физическое состояніе больного рѣзко ухудшается; изслѣдованіе не обнаруживаетъ измѣненій во внутреннихъ органахъ; поносы удается прекращать всего на дватри дня; затѣмъ опять жидкія, частыя, зловонныя испраженія. Больной покоенъ; выраженіе лица свидѣтельствуетъ о хорошемъ настроеніи духа; онъ безчисленное число разъ повторяетъ латышскія и русскія слова, исключительно объ ѣдѣ: обѣдъ, хлѣбъ, пиво, ужинъ и т. п. Больного часто водятъ въ нужникъ и онъ лишь изрѣдка марается въ постель. Лицо и особенно глаза поражаютъ новымъ, осмысленнымъ выраженіемъ; на чловѣка, его не видѣвшаго раньше, онъ произвелъ-бы впечатлѣніе разумаго, счастливаго субъекта. Съ 29/хі больной очень слабъ, мало ѣстъ, пульсъ 110, мягкій; 30/хі небольшое улучшеніе утромъ; больной ѣстъ, поетъ; до вечера самъ ходитъ въ нужникъ; при изслѣдованіи его врачомъ, такъ толкаетъ послѣдняго руками, что служителя должны удерживать больного. Вечеромъ больной слабѣетъ; не смотря на полную прострацію, онъ еще

треть перчатками половые органы и только послѣ 3-хъ часовъ ночи на первое Декабря можно было снять перчатки съ его рукъ; около 5-ти часовъ коляска и въ 6 часовъ утра смерть.

2-го Декабря въ патолого-анатомическомъ институтѣ было произведено вскрытіе, при чемъ было найдено только. Атрофія всѣхъ органовъ, въ томъ числѣ мозга и яичекъ. Хроническій катаръ кишекъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).